СВЕЖИЙ ВЕТЕР В КИТАЙСКИХ КВАРТАЛАХ

Медленно, шаг за шагом, уступает свою обособленность, теряет специфичность, сужается в границах китайский квартал. Веяния советской действительности оказались гибельными для огромных, разбитых на сотни клетушек, мрачных и грязных домов.

Еще совсем недавно, десяток лет назад, Алеутская, Пекинская, Семеновская и соседние улицы кишели домами терпимости, притонами наркомании и азарта. В сырых, смрадных катакомбах китайских публичных домов разыгрывались трагедии десятков женщин, многие из которых, еще не вышедшие из детского возраста, уже постигли всю мерзость физического и морального гнета.

В последние годы комхоз предпринял, правда, еще далеко не достаточное, но все же действенное наступление на эти крепости разлагающего быта.

Разрушались бесчисленные перегородки, пропыленные, захарканные коридоры, строились новые, светлые жилища для китайских рабочих.

Перед китаянкой открылись двери новой, осмысленной жизни, она перестает быть вещью, рабой жестокого, алчного мужа.

Слабы темпы развития китайской труженицы. Чрезвычайная отсталость, поголовная неграмотность и необыкновенно тяжелые бытовые условия тормозят ее движение вперед.

Но и теперь, несмотря на побои, семейный террор, китаянка тянется к общественной жизни и начинает занимать в ней заметное место. Фактами, простыми фактами можно доказать это.

Уже больше двух лет тому назад во Владивостоке организовалась кустарная пошивочная артель «Работница-китаянка». Вначале она об'единяла только пять подобранных буквально на улице женщин. Теперь коллектив разросся до 30 человек.

На улице 25 Октября, в доме № 27, квартире № 6, слышится непрерывный дробный стук швейных машин. Корейские и китайские работницы, склонившись к бегающим иглам, усердно работают.

Многие из них до прихода в артель умели лишь скверно соорудить латку на расползающемся халате мужа. Теперь большинство — квалифицированные работницы, которые задумывают уже создать группу по художественному машинному вышиванию.

В пошивочной мастерской. Швеи т т. Шкура и Ку Пи-лан.

Работницы вовлечены в ряд общественных организаций. Восемнадцать из них—делегатки, которые живо интересуются событиями, происходящими в Союзе. Маленький коллектив издает свою стенную газету «Голос женщины».

Они не остаются равнодушными к китайскому клубу: там уже имеется женский уголок, при котором открывается юридическая и медицинская консультации. Китаянка, которая в течение долгих лет признавала лишь силу сомнительных лекарей, теперь начинает прибегать к медицинской помощи.

Лю Ван-ши, бывшая работница артели, теперь учится в совпартшколе.

Ю Чин-сы, еще подросток, но которой, несмотря на ее юные годы, не раз безжалостно ударял суровый китайский быт, — теперь работница чаеуправления.

Сейчас две работницы из артели — **Мо-Кан и Сун-си—вступают в партию.** Мо-кан, кроме того, выдвинута в правление профсоюза.

Обе еще, быть может, недостаточно политически грамотны, но они преданы делу рабочего класса.

Мо-кан хорошо владеет русской речью, она рассказывает о китайской действительности:

— Молодые китайские женщины еще слабо втягиваются в общественную жизнь.

— «Мама держит крепко, — об'ясняет Мо-кан.—Без мужа по китайским законам нельзя ходить. Китаянка еще боится порвать связь с семьей».

Дальше Мо-кан говорит о том, что по-прежнему продолжают существовать такие позорные бытовые пережитки, как купля и продажа девушек, калеченье ног и насильственная выдача несовершеннолетних замуж.

И молодые замужние женщины, еще прикованные к удушливому, но привычному быту, пока не задерживаются долго в коллективе. Их втягивает обратно в семейное болото.

Все это можно об'яснить еще недостаточной раз'яснительной работой. Некоторые китайцы партийцы и комсомольцы терпимо относятся к традициям и ненормальным бытовым явлениям и еще мало интересуются работой среди китаянок.

Политическая работа среди женщин, ложится, главным образом, на плечи женского актива, пока еще чрезвычайно слабого. Но этот актив уже готовит китайская совпартшкола. Вовлечение же китайских девушек в совпартшколу из года в год увеличивается.